

СОЦИУМ И ДЕМОГРАФИЯ SOCIETY AND DEMOGRAPHY

УДК 913:910.1

DOI: 10.37490/S221979310021504-7

А. Г. Манаков¹, Н. К. Теренина²

^{1,2}Псковский государственный университет, г. Псков, Россия

¹E-mail: region-psk@yandex.ru

²E-mail: brazelon@yandex.ru

ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКИХ И ЯЗЫКОВЫХ ГРУПП УКРАИНЫ С 1959 г. И ОЦЕНКА НА 2021 г.

Украина является единственной из европейских стран ближнего зарубежья, которая провела всего одну перепись населения в постсоветское время. И та прошла более двадцати лет назад. С этим связана проблема изучения этнодемографических процессов в период после распада Советского Союза. Проблему можно решить, только опираясь на методы этнодемографического прогнозирования. Целью исследования является выявление особенностей динамики наиболее многочисленных этнических и языковых групп на территории Украины в период с 1959 г., а также оценка их численности вплоть до 2021 г. По динамике численности в советский и постсоветский периоды этнические сообщества Украины были разделены на две основные группы. Первую группу составляют украинцы, русские, белорусы и молдаване, численность которых в советский период росла, а в постсоветский период — уменьшалась. Вторую группу образуют евреи, поляки, а также ряд других народов, численность которых уменьшалась на протяжении всего исследуемого интервала. Основной сценарий этнодемографической динамики до 2021 г. предполагает ход ассимиляционных процессов (или «титанизации» населения) в период после переписи 2001 г., аналогичный периоду с 1989 по 2001 гг. Согласно данному сценарию доля русских с 1989 по 2021 гг. в границах Украины до 2014 г. должна уменьшиться до 10,4 %, или более, чем вдвое (а без Крыма — до 8,6 %). В случае реализации основного сценария по родному языку к 2021 г. доля русскоязычных должна уменьшиться до 24 % (почти на 9 %).

Ключевые слова: этнодемографические процессы, этнические группы, лингвогруппы, украинцы, русские, украинский язык, русский язык.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-05-00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы».

Авторы выражают признательность Суворкову П. Э. за помощь в оценке численности этнических и языковых групп Украины на 2021 г.

Для цитирования: Манаков А. Г., Теренина Н. К. Динамика этнических и языковых групп Украины с 1959 г. и оценка на 2021 г. // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 4. С. 129–145. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310021504-7>

A. G. Manakov¹, N. K. Terenina²

^{1,2}Pskov State University, Pskov, Russia

¹E-mail: region-psk@yandex.ru

²E-mail: brazelon@yandex.ru

DYNAMICS OF ETHNIC AND LANGUAGE GROUPS IN UKRAINE SINCE 1959 AND EVALUATION FOR 2021

Ukraine is the only one of the European countries of the near abroad that has conducted only one population census in the post-Soviet period. And that was more than twenty years ago. Related to this is the problem of studying ethno-demographic processes in the period after the collapse of the Soviet Union. The problem can be solved only by relying on the methods of ethno-demographic forecasting. The aim of the study is to identify the features of the dynamics of the most numerous ethnic and linguistic groups on the territory of Ukraine in the period from 1959, as well as to estimate their numbers up to 2021. According to the dynamics of the number in the Soviet and post-Soviet periods, the ethnic communities of Ukraine were divided into two main groups. The first group consists of Ukrainians, Russians, Belarusians and Moldovans, whose numbers grew in the Soviet period and decreased in the post-Soviet period. The second group is formed by Jews, Poles, as well as a number of other peoples, whose numbers decreased throughout the entire interval under study. The main scenario of ethno-demographic dynamics up to 2021 assumes the course of assimilation processes (or “titlezation” of the population) in the period after the 2001 census, similar to the period from 1989 to 2001. According to this scenario, the share of Russians from 1989 to 2021 within the borders of Ukraine by 2014 should decrease to 10.4 %, or more than twice (and without Crimea — to 8.6 %). In the case of the implementation of the main scenario for the native language, by 2021 the share of Russian-speakers should decrease to 24 % (almost 9 %).

Keywords: *ethno-demographic processes, ethnic groups, linguistic groups, Ukrainians, Russians, Ukrainian language, Russian language.*

Acknowledgments. *The reported study was funded by RFBR, project number 20-05-00369 “Transformation of the Ethnocultural Space of Post-Soviet States: Factors, Trends, Prospects”.*

The authors are grateful to P. E. Suvorkov for his help in estimating the number of ethnic and linguistic groups in Ukraine for 2021.

For citation: Manakov A. G., Terenina N. K. (2022), Dynamics of ethnic groups in since 1959 and forecast until 2061, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 18, no. 4, pp. 129–145. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310021504-7>

Введение. Украина является единственной из европейских стран ближнего зарубежья, которая в постсоветский период провела всего одну национальную перепись населения, которая состоялась в 2001 г. Первоначально предполагалось, что следующая перепись населения будет проведена в 2010 г., но она была отложена до 2020 г. Но и в 2020 г. перепись населения не состоялась, а была перенесена на 2023 г. В 2022 г. стало очевидным, что и эта перепись проведена не будет, во всяком слу-

чае, в границах Украины на 2014 г. Тем не менее, существует потребность в оценке как численности населения Украины, так и её национального состава для понимания хода демографических и этнолингвистических процессов в течение двух десятилетий, прошедших после последней переписи на её территории.

Целью исследования является выявление особенностей динамики наиболее многочисленных этнических и языковых групп на территории Украины в период с 1959 г., а также оценка их численности вплоть до 2021 г.

В качестве **информационной базы** исследования выступают материалы переписей населения, проведённых на Украине в советское время (в 1959, 1970, 1979 и 1989 гг.¹) и постсоветский период (перепись населения 2001 г.²). При осуществлении оценки численности этнических групп на 2011 и 2021 гг. была использована статистика Отдела народонаселения ООН³.

Степень изученности проблемы и методика исследования. Несмотря на то, что на территории Украины в постсоветский период была проведена только одна перепись населения, к её результатам было привлечено достаточно пристальное внимание. Её итогам было посвящено много работ, опубликованных как на украинском языке (например, [5; 10; 11; 17] и др.), так и на русском языке (например, [8; 22; 23] и др.). При этом в работах российских авторов чаще всего обращается внимание на положение русских на Украине, их этнической и языковой ассимиляции в постсоветский период (например, [4; 7; 9; 15; 21] и др.). Русскоязычие на территории Украины рассматривается также в контексте вопросов языковой политики в государствах ближнего зарубежья после распада СССР (например, [1–3; 26; 30] и др.).

Осуществлённая в данном исследовании оценка численности этнических и лингвистических групп Украины на 2021 г. опирается на методы, представленные в трудах известных отечественных и зарубежных учёных. В изучение этноассимиляционных процессов свой вклад внесли такие отечественные исследователи, как А. Г. Волков [6], А. Ю. Орлов [16; 32], Е. Л. Сороко [20] и др. Также проблематика смешанных браков и этнической идентичности рассматривались в работах зарубежных авторов: А. В. Доана [27], К. М. Уотерс [34], К. Мяги, ван М. Хам, К. Литмаа, Т. Таммару [31], Л. Платта [33] и др. Методика демографического прогнозирования опирается на разработки таких учёных, как Дж. Бонгаартс [24], Х. Бут [25], Д. М. Эдиев [28; 29], Т. Уилсон [35–37], Е. Л. Сороко [18; 19] и др.

Используемая в данной работе методика экспресс-оценки воспроизводственного потенциала этнических групп ранее прошла апробацию при осуществлении этнодемографического прогноза в странах Балтии (Эстонии, Латвии и Литвы) [14]. Для этого был использован базовый демографический прогноз, опирающийся на данные Отдела народонаселения ООН. Экспресс-оценка является модифицированным вариантом когортно-компонентного метода этнодемографического прогнозирования, основанного на передвижке возрастов. При осуществлении экспресс-оценки всё внимание сконцентрировано на «вложенных» этнических процессах, а именно,

¹ Demoskop Weekly. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=2> (дата обращения: 15.06.2022).

² Всеукраинская перепись населения 2001. Национальный состав населения, гражданство. [Электронный ресурс]: URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/ (дата обращения: 20.01.2021); Population statistics of Eastern Europe & former USSR. [Электронный ресурс]: URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 15.06.2022).

³ WPP. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects 2019. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/> (дата обращения: 15.06.2022).

заимствовании этнической идентичности детей, рождённых в этнически-смешанных семьях. Рассматривается также и вариант ресамодентификации взрослых с последующим заимствованием этничности их потомками. Однако экспресс-оценка не учитывает миграционные процессы, которые в большей степени зависят от социально-экономических и политических факторов.

Результаты исследования. Динамика численности населения Украины по итогам переписей советского периода, единственной постсоветской переписи 2001 г., а также оценка численности (без учёта миграций) до 2021 г. представлена на рисунке 1. Общим трендом динамики населения Украины в советский период был рост численности, и потому максимальная численность населения в них была зафиксирована по итогам последней Всесоюзной переписи 1989 г.

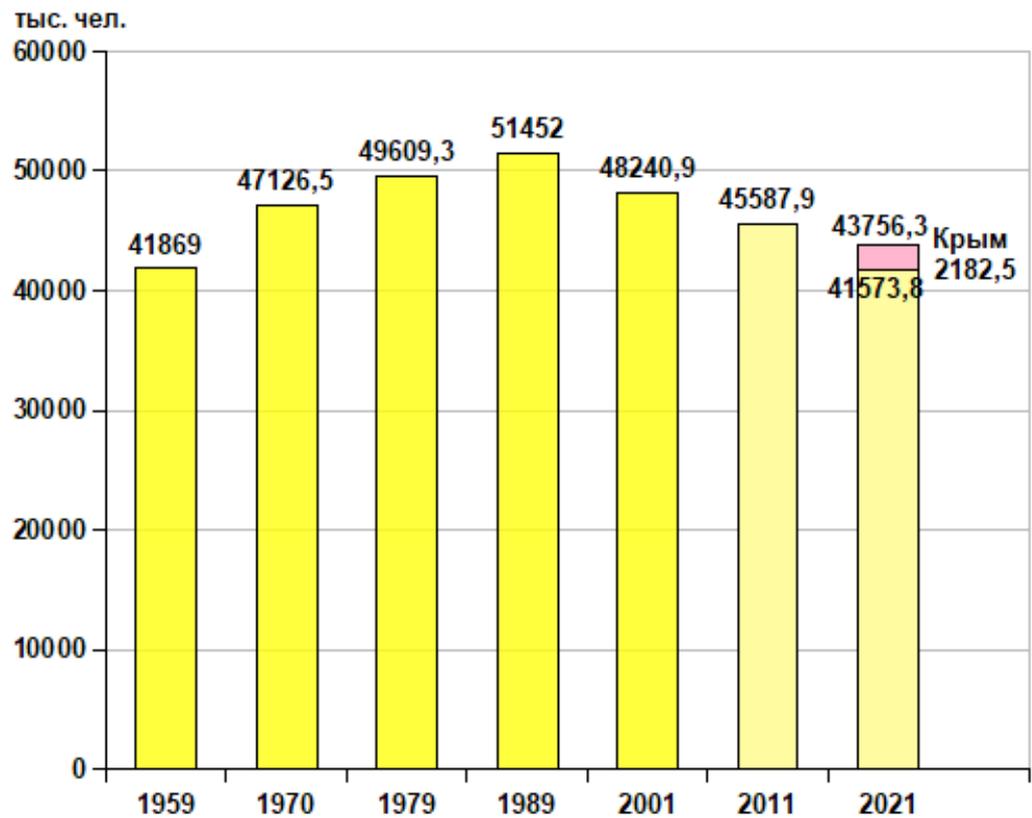

Рис. 1. Динамика численности населения Украины с 1959 по 2001 гг. и оценка на 2011 и 2021 г., тыс. чел.

Fig. 1. Population dynamics in Ukraine from 1959 to 2001 and estimates for 2011 and 2021, thousand people

Наиболее значительный прирост населения Украины был между переписями 1959 и 1970 гг. (+12,6 %), в последующем прирост сильно замедлился — до 5,3 % между переписями населения 1970 и 1979 гг., и до 3,7 % между переписями 1979 и 1989 гг. После распада Советского Союза население Украины стало стремительно сокращаться, и перепись населения 2001 г. зафиксировала падение численности на-

селения страны на 6,2 % по сравнению с итогами последней Всесоюзной переписи населения 1989 г.

Согласно нашим оценкам, которые опираются на тренд демографических процессов в период между 1989 и 2001 гг., численность населения Украины должна была сократиться с 2001 по 2011 гг. на 5,5 %, а с 2011 по 2021 гг. (в границах до 2014 г.) — на 4 %. Соответственно, падение численности населения Украины с учётом утраты Крыма более существенное и составляет 8,8 % в интервале с 2011 по 2021 гг.

Численность представителей основных этнических сообществ Украины по итогам Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг., Всеукраинской переписи 2001 г. и оценка их численности на 2011 и 2021 гг. представлены в таблице. Оценка на 2011 и 2021 гг., как и в случае с общей численностью населения Украины, дана в соответствии с основным этнодемографическим сценарием, который отражает характер этнических процессов, происходивших в период между переписями 1989 и 2001 гг.

Таблица

Численность представителей основных этнических групп Украины по итогам переписей населения с 1959 по 2001 гг. и оценка (согласно основному сценарию) до 2021 г.

Table

The number of representatives of the main ethnic groups of Ukraine according to the results of population censuses from 1959 to 2001 and assessment (according to the main scenario) until 2021

	Всесоюзные переписи				Всеукраинская перепись	Оценка согласно основному сценарию развития этнодемографических процессов		
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.		2001 г.	2011 г.	2021 г.
Всё население	41 869 046	47 126 517	49 609 333	51 452 034	48 240 902	45 587 859	43 756 310	41 573 813
Украинцы	32 158 493	35 283 857	36 488 951	37 419 053	37 541 693	36 994 145	36 685 540	36 085 044
Русские	7 090 813	9 126 331	10 471 602	11 355 582	8 334 141	6 206 347	4 566 752	3 559 193
Евреи	840 311	775 993	632 610	486 628	103 878	94 862	86 897	82 007
Поляки	363 297	295 107	258 309	219 179	144 130	99 396	68 650	66 054
Белорусы	290 890	385 847	406 098	440 045	275 763	217 933	164 437	153 468
Молдаване	241 650	265 902	293 576	324 525	258 619	209 521	169 251	166 476
Болгары	219 409	234 390	238 217	233 800	204 574	180 449	160 104	157 304
Крымские татары	193	3 554	6 636	46 917	248 193	249 188	249 282	2 903
Другие и не указавшие национальность	663 990	755 536	813 334	926 305	1 129 911	1 336 018	1 605 397	1 301 364

По динамике численности в советский период, а точнее, с 1959 по 1989 гг., а также в постсоветский период, этнические сообщества Украины можно разделить на две основные группы (рис. 2). Первую группу составляют три восточнославянских народа (русские, украинцы и белорусы), а также молдаване и болгары, численность которых в советский период росла (исключение — болгары в 80-е гг. XX в.), а в по-

стсоветский период — уменьшалась. При этом динамика численности этих народов примерно соответствовала общим трендам в изменении всего населения Украины в межпереписные периоды, но имела разную интенсивность. Так, нужно отметить более интенсивный рост численности русских и белорусов в советский период, и особенно в 60-е гг. XX в., что свидетельствует об их значительном миграционном притоке. Рост численности украинцев несколько запаздывал на фоне общего увеличения населения Украины. В постсоветский период численность украинцев стала уменьшаться (даже несмотря на то, что сразу после распада Советского Союза отмечалась их миграция из России на родину [12]), но не столь интенсивно, как у нетитульных народов Украины. В этом свою роль сыграли сразу три процесса: естественная убыль, миграционный отток и ассимиляция со стороны титульного этноса. Так, к примеру, согласно оценкам С. Я. Суцего, сокращение русского населения на территории Украины в последнем десятилетии XX в. было наполовину вызвано смелой этнической самоидентификацией, и по 25 % приходилось на миграционный отток и естественную убыль [21].

Вторую группу образуют евреи, поляки, а также ряд европейских народов (например, венгры, словаки), численность которых уменьшалась на протяжении всего исследуемого интервала (с 1959 г.). Что касается евреев, то их численность была высока с досоветского времени, т. к. значительная часть территории будущей Украины до революции входила в пределы «черты оседлости» еврейского населения. После революции началось «растворение» этой «черты», т. е. выезд евреев за её пределы. Миграционный отток евреев постепенно нарастал, и достиг своего максимума в 90-е гг. XX в., когда бывшие советские евреи стали активно переезжать в Израиль. Также стабильно на протяжении всего анализируемого временного интервала, включая и постсоветский период, сокращалась численность поляков.

Особо нужно сказать об этнической группе крымских татар, которые после депортации в 1944 г., начиная с конца советского периода, но особенно активно в 1990-е гг. стали возвращаться на свою историческую родину [13]. Соответственно, их численность росла очень высокими темпами в 1980-е гг. (в 7 раз) и в последнем десятилетии XX в. (в 5,3 раза). В последующем их численность должна продолжать расти за счёт положительного естественного прироста. Однако в 2014 г., вместе с другими народами Крыма, в подавляющем большинстве крымские татары стали российским народом, и лишь небольшая их группа осталась собственно на территории Украины.

Традиционно наиболее пристальное внимание в постсоветский период обращается на динамику и соотношение проживающего на территории Украины украинского и русского населения ([9; 15; 21] и др.). Это связано с достаточно быстрым сокращением численности русского населения в постсоветский период. Также предпринимались попытки оценить современную численность (по причине устаревания результатов Всеукраинской переписи 2001 г.) и перспективы динамики русского населения.

Так, например, И. В. Митрофанова и С. Я. Суций оценили численность русского населения на территории Украины на 2020 г. (в границах после 2014 г.) в 3,7–4,1 млн чел. [15, с. 55]. Наша оценка численности русских на 2021 г., учитывающая сохранение этнопроцессов на том же уровне, что и в 1990-е гг., немного ниже и соответствует около 3,6 млн чел. без Крыма (рис. 3).

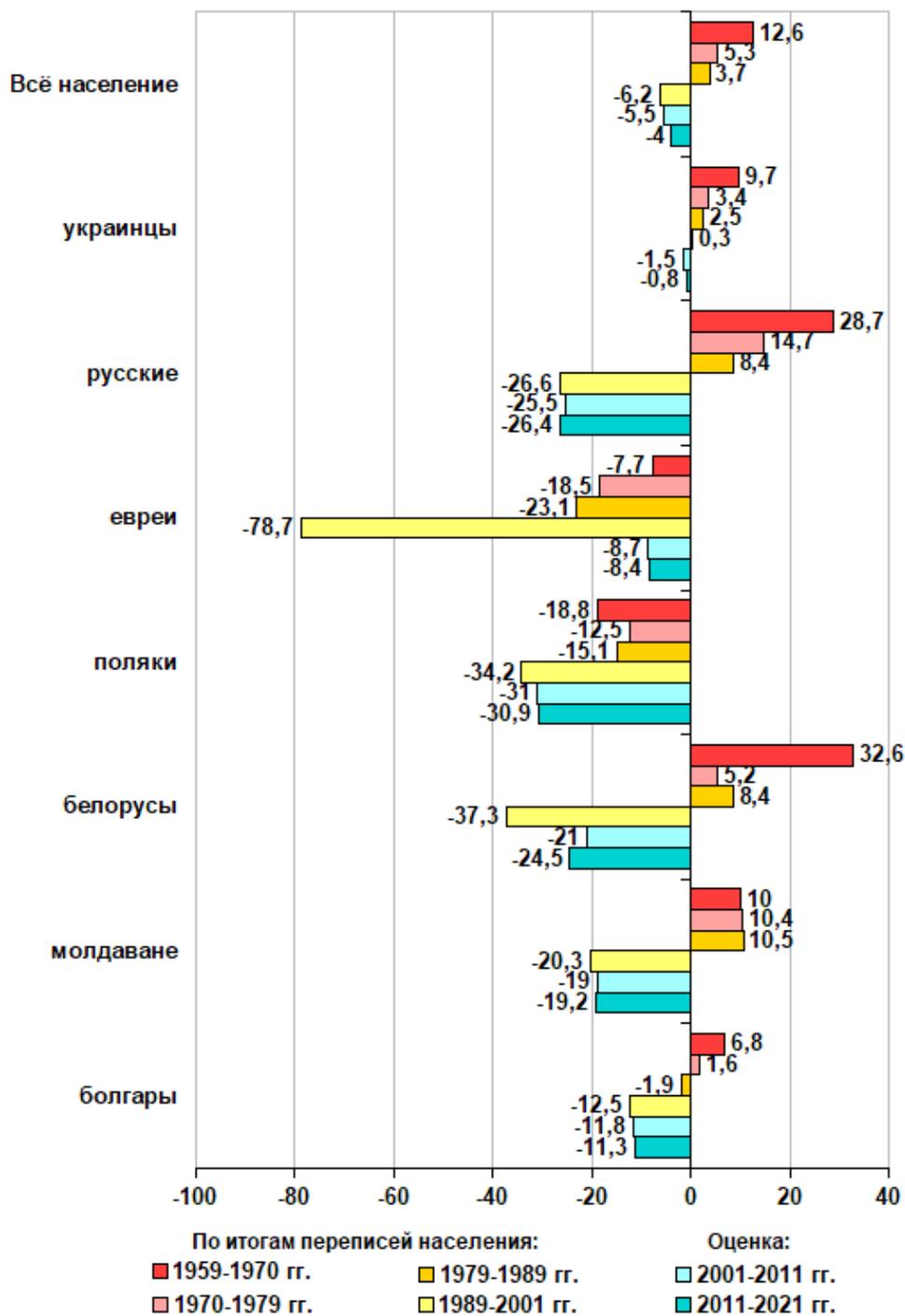

Рис. 2. Изменение численности основных этнических групп Украины в межпереписные периоды с 1959 по 2001 гг. и оценка (согласно основному сценарию) до 2021 г., %

Fig. 2. Change in the number of the main ethnic groups in Ukraine in the intercensal periods from 1959 to 2001 and assessment (according to the main scenario) until 2021, %

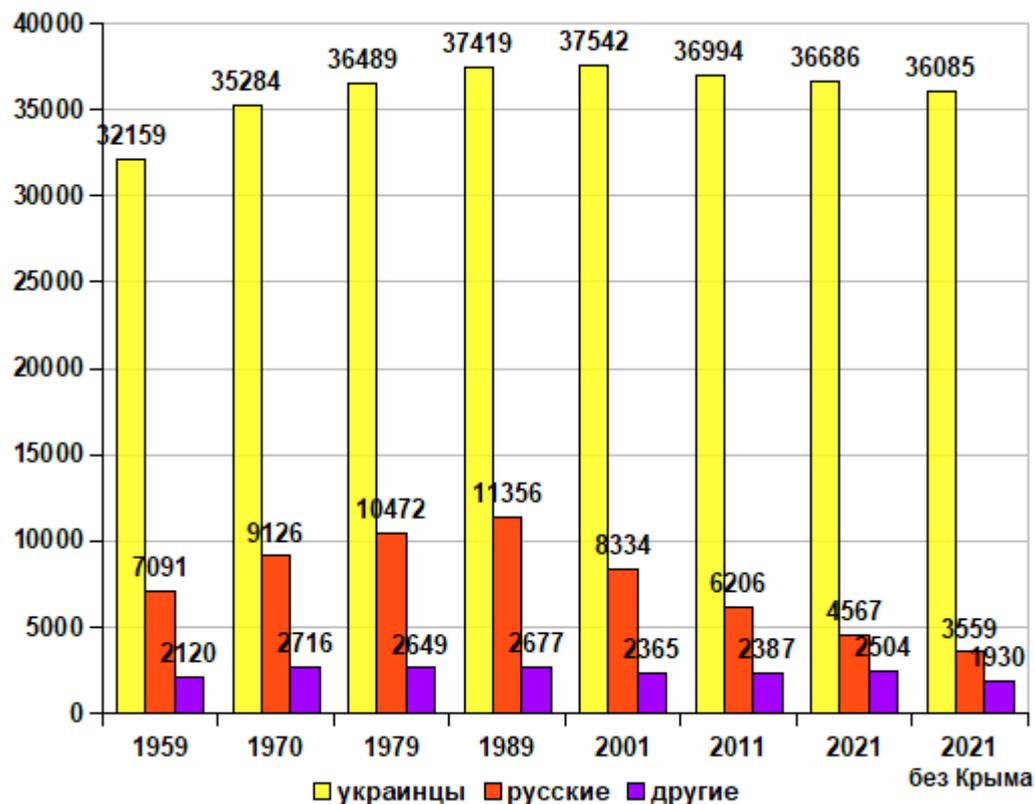

Рис. 3. Динамика численности украинцев, русских и других этнических групп на территории Украины с 1959 по 2001 гг. и оценка на 2011 и 2021 г., тыс. чел.

Fig. 3. Dynamics of the number of Ukrainians, Russians and other ethnic groups on the territory of Ukraine from 1959 to 2001 and estimates for 2011 and 2021, thousand people

Эта оценка дана в соответствии с основным сценарием прогноза, предполагающего сохранение до 2021 г. трендов этнодемографических процессов, заданных между переписями 1989 и 2001 гг. В случае реализации данного сценария доля украинцев в населении Украины в 2021 г. в её границах до 2014 г. должна была бы составлять 83,8 %, а русских — 10,4 % (или, соответственно, 87 % и 8,6 % в новых границах, т. е. без Крыма). Динамика удельного веса украинцев и русских в населении Украины с 1959 по 2001 гг. и оценка до 2021 гг. отражена на рисунке 4.

Однако нами были рассчитаны и другие сценарии течения этнодемографических процессов, которые могли бы быть реализованы в случае иной национальной политики молодого украинского государства (рис. 5).

Первый сценарий можно условно считать советским, так как он исключает влияние политических факторов на ход этнодемографических процессов. То есть он предполагает сохранение процессов, заложенных в советский период, таких, как собственно демографический прирост (в постсоветский период — убыль) и естественная ассимиляция этнических сообществ. Но сценарий не учитывает возможные миграции населения, которые в меньшей мере поддаются демографическому прогнозированию, т. к.

зависят от совокупности социально-экономических и политических факторов. Согласно данному сценарию, т. е. в условиях отсутствия миграционной подпитки русского населения на Украине, доля русских должна была бы уменьшаться, но незначительно — с 22,1 % в 1989 г. до 19,2 % в 2021 г., т. е. почти на 3 %. Доля украинцев в населении Украины за это время должна была бы вырасти с 72,7 до 76,1 %, т. е. на 3,4 %.

Второй сценарий предполагает отсутствие ассимиляции по политическим причинам, но не сразу после распада Советского Союза, а в интервале с 2001 по 2021 гг. В случае реализации этого сценария доля украинцев в 2021 г. составляла бы 79,9 % населения Украины (рост с 1989 г. на 7,2 %), а русских — 15,4 % (падение на 6,7 %).

Третий, основной, сценарий хода этнодемографических процессов предполагает сохранение в первые два десятилетия XXI в. тренда этнической ассимиляции, заданного в 1990-е гг. Это самый негативный сценарий для русского населения, предполагающий ускоренную смену этнической самоидентификации русских в пользу титульного этноса. Согласно этому сценарию, доля русских с 1989 по 2021 гг. в границах Украины до 2014 г. должна уменьшиться с 22,1 до 10,4 %, т. е. на 11,7 % или более, чем вдвое. Доля украинцев в населении Украины при реализации данного сценария должна достигнуть 83,8 %, и увеличиться с 1989 г. на 11,1 %.

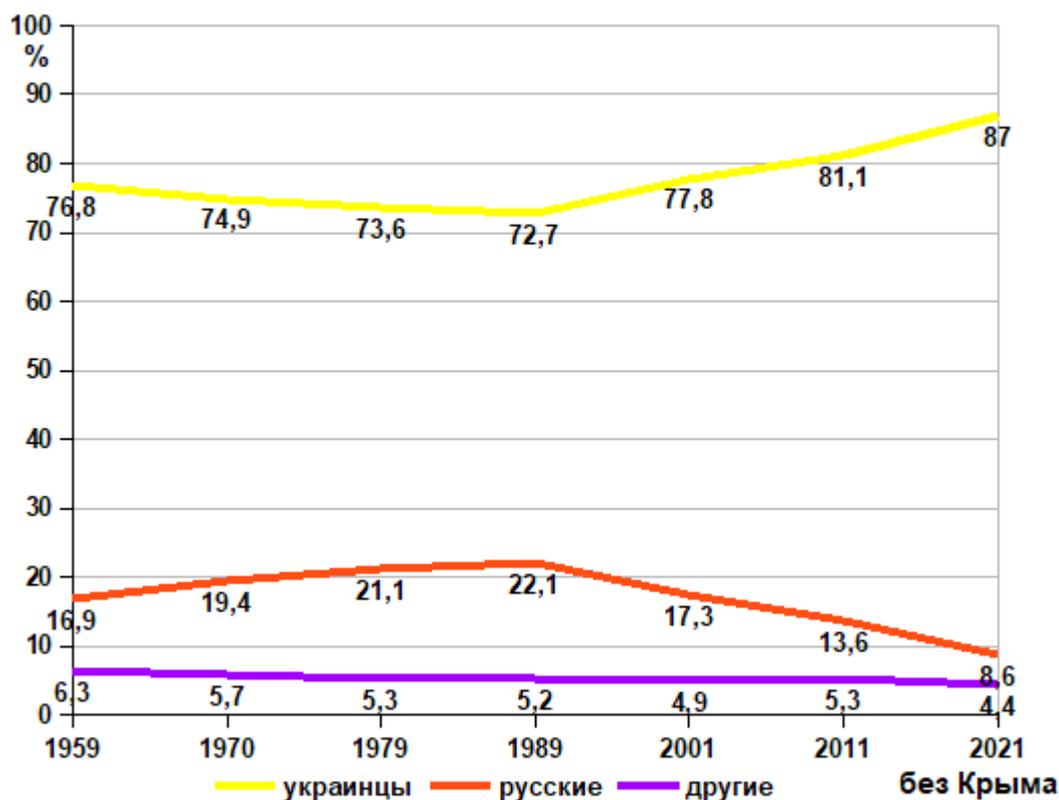

Рис. 4. Изменение доли украинцев, русских и остального населения Украины с 1959 по 2001 гг. и оценка (по основному сценарию) на 2011 и 2021 гг., %

Fig. 4. Change in the share of Ukrainians, Russians and the rest of the population of Ukraine from 1959 to 2001 and estimate (according to the main scenario) for 2011 and 2021, %

Вопрос о смене этнической идентичности напрямую связан с языковой ситуацией на территории Украины. Согласно результатам последней Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всеукраинской переписи 2001 г. достаточно большая группа идентифицировавших себя как «украинцы» называет в качестве родного русский язык. Причём эта доля даже выросла с 1989 по 2001 гг. с 12,2 до 14,8 % при зеркальном сокращении доли тех, кто назвал родным украинский язык (рис. 6), что свидетельствует о вхождении к 2001 г. в состав «украинцев» тех, кто ранее идентифицировал себя как «русские» [9, с. 185]. При этом сократилась доля русских, которые называют русский язык в качестве родного. И эта языковая ассимиляция является первым шагом для последующей «титализации» русских, т. е. смены идентичности в пользу титульного этноса.

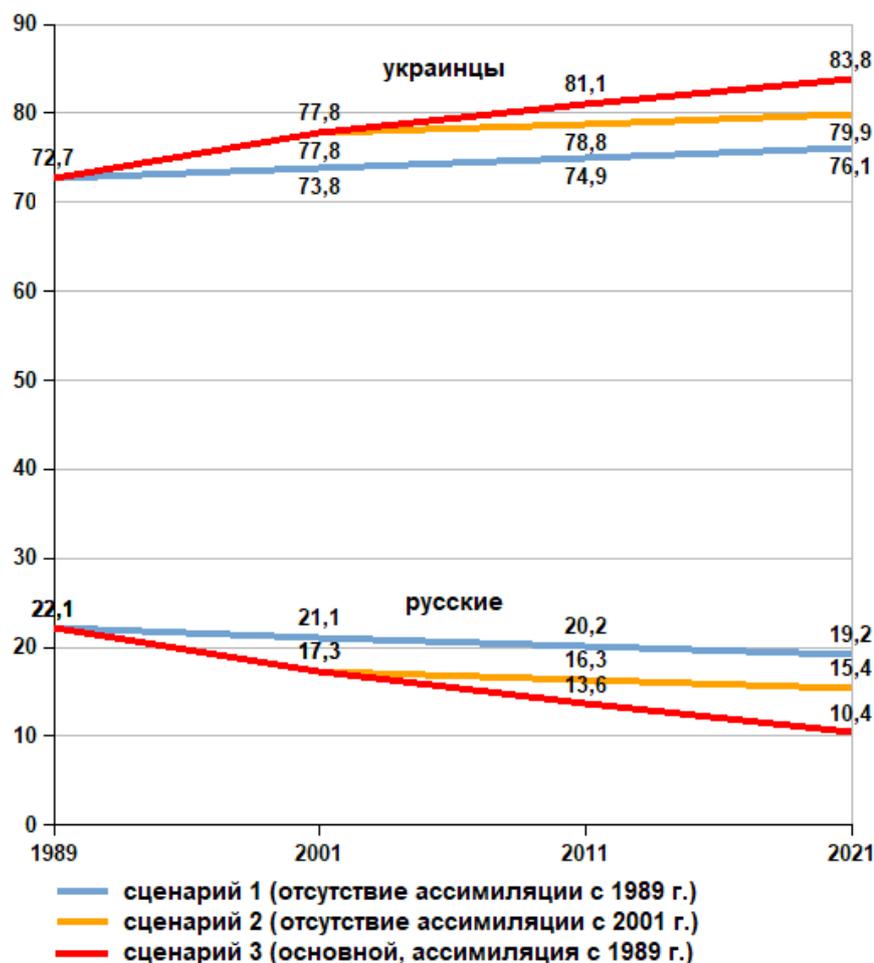

Рис. 5. Изменение удельного веса украинцев и русских в населении Украины с 1989 по 2021 гг. по разным сценариям развития этнодемографических процессов в зависимости от национальной политики государства, %

Fig. 5. Change in the proportion of Ukrainians and Russians in the population of Ukraine from 1989 to 2021 according to different scenarios for the development of ethno-demographic processes depending on the national policy of the state, %

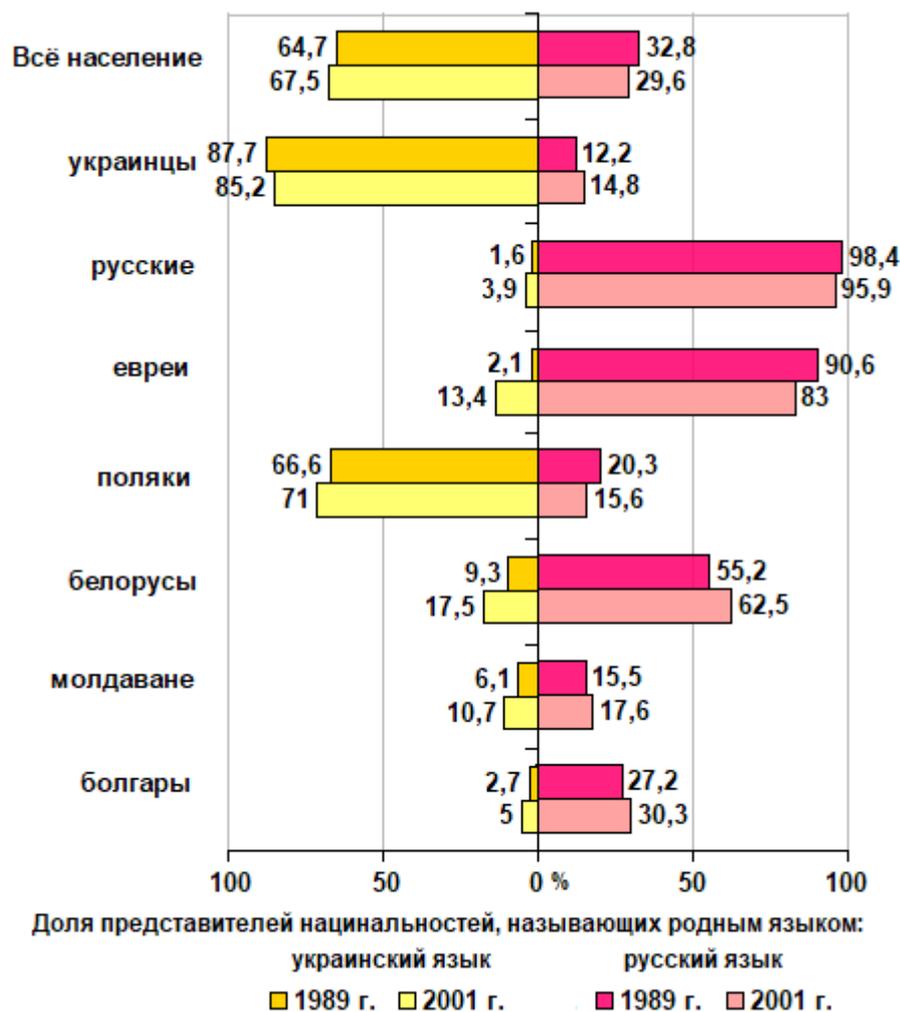

Рис. 6. Украинский и русский как родные языки в разных этнических сообществах Украины по итогам переписей населения 1989 и 2001 гг., %

Fig. 6. Ukrainian and Russian as native languages in different ethnic communities of Ukraine according to the results of the 1989 and 2001 population censuses, %

Удельный вес людей, обозначивших украинский язык как родной, с 1989 по 2001 гг. вырос во всех основных этнических группах Украины. Но при этом в ряде этнических групп (белорусы, молдаване, болгары) одновременно увеличилась доля тех, кто назвал родным русский язык.

Для оценки на 2021 г. количества тех, кто считает на Украине родным языком русский или украинский язык, по аналогии с динамикой этнических групп, нами были разработаны три сценария (рис. 7). Первый сценарий исходит из отсутствия языковой ассимиляции с конца советского периода. В случае реализации данного сценария доля русскоязычных к 2021 г. сократилась бы на 2,2 % (до 30,6 %), а доля украиноязычных — увеличилась бы на 2,3 % (до 67 %).

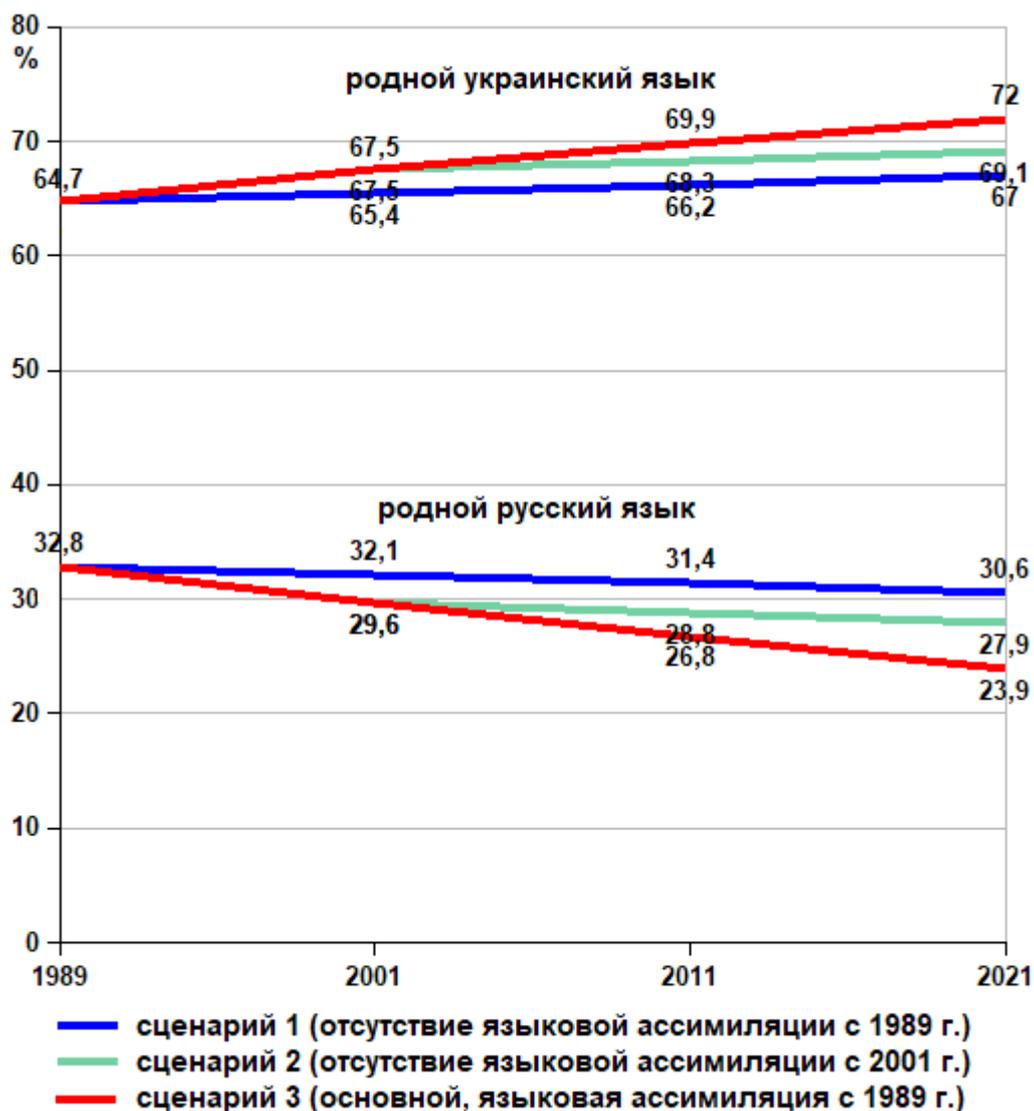

Рис. 7. Изменение удельного веса населения, называющего родным украинский и русский языки, с 1989 по 2021 гг. по разным сценариям развития языковых процессов в зависимости от национальной политики Украины, %

Fig. 7. Changes in the proportion of the population who call Ukrainian and Russian their native languages, from 1989 to 2021 according to different scenarios for the development of language processes, depending on the national policy of Ukraine, %

В случае, если политика по языковой ассимиляции прекратилась бы с 2001 г., доля украиноязычного населения выросла бы на 4,4 % (до 69,1 %), а русскоязычных — сократилась бы на 4,9 % (до 27,9 %). И наконец, реализация основного сценария, основанного на сохранении языковой ассимиляции в первые два десятилетия XXI в. на том же уровне, что и в 1990-х гг., предполагает сокращение к 2021 г. доли русскоязычных до 23,9 % (на 8,9 %), и увеличение доли украиноязычных до 72 % (на 7,3 %).

Нужно отметить, что достаточно лёгкая смена языковой идентичности с «русской» на «украинскую» объясняется широким развитием на территории Украины билингвизма, с чем связана и двойственная этническая идентичность достаточно большой группы населения. Митрофанова И. В. и Суций С. Я. [15] называют эту группу «биэтническим множеством» и на 2015 г. оценивали её численность в 11–12 млн чел. (их них порядка 2 млн «русских»). Соответственно, эти 2 млн являлись первыми претендентами на «титализацию». Другое название этой категории населения с двойной этнической идентичностью — «биэтнофоры» [21].

Выводы. В число наиболее многочисленных этнических сообществ Украины, динамика которых проанализирована в статье, входят русские, белорусы, евреи, поляки, молдаване и болгары. Также особо рассматриваются крымские татары. По динамике численности в советский и постсоветский периоды этнические сообщества Украины были разделены на две основные группы. Первую группу составляют три восточнославянских народа (русские, украинцы и белорусы), а также молдаване и болгары, численность которых в советский период росла (исключение — болгары в 80-е гг. XX в.), а в постсоветский период — уменьшалась. Вторую группу образуют евреи, поляки, а также ряд титульных народов соседних с Украиной стран (например, венгры, словаки), численность которых уменьшалась на протяжении всего исследуемого временного интервала.

В ходе исследования была дана оценка численности наиболее многочисленных этнических и лингвистических (по родному языку) сообществ Украины на 2021 г. в соответствии с тремя этнодемографическими сценариями. Первый сценарий является ныне уже не реализуемым, но важным для сравнительного анализа, т. к. исходит из хода ассимиляционных процессов, соответствующих советскому периоду, и отражает, в первую очередь, изменения в естественном движении этногрупп. Второй сценарий мог бы быть реализован в случае, если бы «титализация» этнических групп Украины прекратилась после 2001 г. Третий, основной, сценарий предполагает ход ассимиляционных процессов в период с 2001 по 2021 гг., аналогичный периоду с 1989 по 2001 гг.

Согласно основному сценарию, доля русских с 1989 по 2021 гг. в границах Украины до 2014 г. должна уменьшиться с 22,1 до 10,4 %, или более, чем вдвое (а без Крыма — до 8,6 %). Доля украинцев в населении Украины при реализации данного сценария должна достигнуть 83,8 %, и увеличиться с 1989 г. на 11,1 % (или до 87 % без Крыма). В случае реализации основного сценария по родному языку к 2021 г. доля русскоязычных должна уменьшиться до 23,9 % (на 8,9 %), а доля украиноязычных — увеличиться до 72 % (на 7,3 %).

Литература

1. *Арефьев А. Л.* Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. 482 с.
2. *Арефьев А. Л.* Сжимающееся русскоязычие // Демоскоп Weekly. 2013. № 571–572. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/demoscope571.pdf> (дата обращения: 25.01.2021).
3. *Арутюнова М. А.* Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 155–178.
4. *Бирюкова С. Н.* Проблемы функционирования русского языка на Украине // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2014. № 3. С. 27–31.

5. *Борисенко В. К.* Етнічний склад населення України // Українська етнологія / За ред. В. К. Борисенко. К.: Либідь, 2007. С. 60–69.
6. *Волков А. Г.* Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав // Вестник статистики. 1989. № 7. С. 12–26. № 8. С. 8–24.
7. *Городяненко В. Г.* Положение русских в Украине и проблемы их идентичности // Социологические исследования. 2009. № 1 (297). С. 89–96.
8. *Джаман В. А., Джаман Я. В., Мручковский П. В.* Этническая структура населения Украины и её динамика в период становления государственной независимости // География в школе. 2014. № 8. С. 26–35.
9. *Ефимов С. А.* Куда исчезли русские, или «сообщающиеся сосуды» этноязыковой самоидентификации: Украина, 1989–2001 гг. // История и современность. 2009. № 1. С. 177–189.
10. *Крисаченко В. С.* Динаміка населення: популяційні, етнічні та глобальні виміри. К.: НІСД, 2005. 368 с.
11. *Лозинський Р. М.* Мовна ситуація в Україні (суспільно-географічний погляд). Львів: Вид. центр ЛНУ ім. І. Франка, 2008. 503 с.
12. *Манаков А. Г., Муравьев А. Д.* Картографический анализ динамики численности белорусов и украинцев в России с 1959 по 2010 гг. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2022. Т. 15. № 2. С. 108–119.
13. *Манаков А. Г., Петрова А. А.* Картографирование расселения и динамики численности татар в советское и постсоветское время // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2022. Т. 15. № 1. С. 41–52.
14. *Манаков А. Г., Суворков П. Э., Ермолин И. В.* Оценка воспроизводственного потенциала этнических групп в странах Балтии // Современная Европа. 2021. № 7. С. 27–38. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720212738>.
15. *Митрофанова И. В., Суций С. Я.* Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8 (401). С. 45–58. <https://doi.org/10.7868/S0132162517080050>
16. *Орлов А. Ю.* Геодемографические исследования этноассимиляционных процессов (на примере населения Приволжского федерального округа) // География и природные ресурсы. 2011. № 1. С. 129–136.
17. *Скляр В.* «Поліетнічність» населення України і результати переписів 1989 та 2001 років // Українознавство. 2016. № 1 (58). С. 136–154.
18. *Сороко Е. Л.* Моделирование третьего демографического перехода // Материалы XIX Апрельской конференции. Сессия Р-11. Демографические процессы и развитие. 2018. URL: <https://conf.hse.ru/2018/program/> (дата обращения: 26.10.2021).
19. *Сороко Е. Л.* Показатели для описания этнодемографических процессов // XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / Под ред. Е. Г. Ясина. Книга 3. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2016. С. 328–338.
20. *Сороко Е. Л.* Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Том 1. № 4. С. 96–123.
21. *Суций С. Я.* Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11137>.
22. *Тархов С. А.* Итоги переписи населения Украины 2001 года // Четвёртые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность (сборник докладов). М.: Эслан, 2004. С. 144–164.
23. *Хмелько В. Е.* Лингво-этническая структура Украины: региональные особенности и тенденции изменений за годы независимости // Научные записки НаУКМА. Социологические науки. 2004. Т. 32. С. 3–15.
24. *Bongaarts J.* Long-Range Trends in Adult Mortality: Models and Projection Methods // Demography. 2005. No. 42 (1). P. 23–49.
25. *Booth H.* Demographic Forecasting: 1980 to 2005 // Int. J. of Forecasting. 2006. No. 3 (18). P. 547–581.
26. *Cheskin A., Kachuyevski A.* The Russian-speaking populations in the post-Soviet space: language, politics and identity // Europe-Asia Studies. 2019. T. 71. № 1. С. 1–23. <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1529467>
27. *Doane A. W.* Dominant Group Ethnic Identity in the United States: The Role of «Hidden» Ethnicity in Intergroup Relations // The Sociological Quarterly. 1997. No. 38(3). P. 375–397. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1997.tb00483.x>.

28. *Ediev D. M.* An approach to improve the consistency of mortality projections obtained by the Lee-Carter method // Eurostat methodologies and working papers. Work session on demographic projections. Bucharest, 10–12 October 2007. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. P. 101–115.
29. *Ediev D. M.* Extrapolative projections of mortality: towards a more consistent method, part I: the central scenario // Working Paper 3. Vienna Institute of Demography, Austria. 2008. No. 3. 50 p. URL: https://www.oew.ac.at/fileadmin/subsites/Institute/VID/PDF/Publications/Working_Papers/WP2008_03.pdf.
30. *Ivanchenko V. S., Chimiris E. S.* Russian language in the Post-Soviet space as a factor of politics // Political Science Issues. 2020. Vol. 10. No. 3 (42–44). P. 305–315.
31. *Mägi K., van Ham M., Leetmaa K., Tammaru T.* The neighbourhood context and changes in self-reported ethnic identity // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2020. No 46(1). P. 277–296. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1547634>.
32. *Orlov A. Y.* The Technique of Ethnogeodemographic Research // Geography and Natural Resources. 2009. Vol. 30. No. 1. P. 73–78. <https://doi.org/10.1016/j.gnr.2009.03.014>.
33. *Platt L.* Is there assimilation in minority groups' national, ethnic and religious identity? // Ethnic and Racial Studies. 2014. No 37(1). P. 46–70. <https://doi.org/10.1080/01419870.2013.808756>.
34. *Waters C. M.* Immigration, intermarriage, and the challenges of measuring racial/ethnic identities // American Journal of Public Health. 2000. No. 90 (11). P. 1735–1737. <https://doi.org/10.2105/AJPH.90.11.1735>.
35. *Wilson T.* A multistate model for projecting regional populations by Indigenous status: an application to the Northern Territory, Australia // Environment and Planning. 2009. No. 41 (1). P. 230–249. <https://doi.org/10.1068/a402>.
36. *Wilson T., Barnes T.* Continuing Challenges in Attempting to Measure the Size, and Changing Size, of Australia's Indigenous Population // People and Place. 2007. Vol. 15. No. 3. P. 12–21. <https://doi.org/10.1080/00049182.2014.986786>.
37. *Wilson T.* The future of Australia's Indigenous Population, 2011–61 // Population Studies. 2016. No. 70 (3). P. 311–326. <https://doi.org/10.1080/00324728.2016.1224372.1>.

References

1. Arefiev A. L. (2012), *Russian language at the turn of the 20–21 centuries*, Moscow, Center for Social Forecasting and Marketing, 482 p. (In Russ.).
2. Arefiev A. L. (2013), Shrinking Russian-speaking, *Demoscope Weekly*, no. 571–572. (In Russ.). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/demoscope571.pdf> (date of access: 25.01.2021).
3. Arutyunova M. A. (2012), Language policy and the status of the Russian language in the USSR and the states of the post-Soviet space, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodny'e otnosheniya i mirovaya politika* [Bulletin of the Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics], no. 1, pp. 155–178. (In Russ.).
4. Biryukova S. N. (2014), Problems of the functioning of the Russian language in Ukraine, *Sovremenny'e problemy` gumanitarny`x i obshchestvenny`x nauk* [Modern problems of the humanities and social sciences], no. 3, pp. 27–31. (In Russ.).
5. Borisenko V. K. (2007), Ethnic composition of the population of Ukraine, *Ukrainian Ethnology*, V. K. Borisenko (ed.), Kyiv, pp. 60–69. (in Ukrain.).
6. Volkov A. G. (1989), Ethnically mixed families in the USSR: dynamics and composition, *Vestnik statistiki*, no. 7, pp. 12–26, no. 8, pp. 8–24. (In Russ.).
7. Gorodyanenko V. G. (2009), The situation of Russians in Ukraine and the problems of their identity, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 1 (297), pp. 89–96. (In Russ.).
8. Dzhaman V. A., Dzhaman Ya. V., Mruchkovsky P. V. (2014), Ethnic structure of the population of Ukraine and its dynamics during the formation of state independence, *Geografiya v shkole* [Geography at school], no. 8, pp. 26–35. (In Russ.).
9. Efimov S. A. (2009), Where did the Russians, or “communicating vessels” of ethno-linguistic self-identification disappear: Ukraine, 1989–2001, History and modernity, no. 1, pp. 177–189. (In Russ.).
10. Krisachenko V. S. (2005), *Population dynamics: population, ethnicity and global demise*, Kyiv, 368 p. (In Ukrain.).
11. Lozinskiy R. M. (2008), Current situation in Ukraine (suspicious-geographical view), Lviv, 503 p. (In Ukrain.).
12. Manakov A. G., Muravyov A. D. (2022), Cartographic analysis of the dynamics of the number of Belarusians and Ukrainians in Russia from 1959 to 2010, *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta*.

- Seriya: Estestvennye i fizikomatematicheskie nauki* [Bulletin of the Pskov State University. Series “Natural and physical and mathematical sciences”], vol. 15, no. 2, pp. 108–119. (In Russ.).
13. Manakov A. G., Petrova A. A. (2022), Mapping the settlement and population dynamics of the Tatars in the Soviet and post-Soviet times, *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye i fiziko-matematicheskie nauki* [Bulletin of the Pskov State University. Series “Natural and physical and mathematical sciences”], vol. 15, no. 1, pp. 41–52. (In Russ.).
 14. Manakov A. G., Suvorkov P. E., Ermolin I. V. (2021), Evaluation of the reproductive potential of ethnic groups in the Baltic countries, *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], no. 7. P. 27–38. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope720212738>.
 15. Mitrofanova I. V., Sushchiy S. Ya. (2017), Russians in Ukraine: geodemographic results of the post-Soviet period and medium-term prospects, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 8 (401), pp. 45–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.7868/S0132162517080050>.
 16. Orlov A. Yu. (2011), Geodemographic studies of ethnoassimilation processes (on the example of the population of the Volga Federal District), *Geography and Natural Resources*, no. 1, pp. 129–136. (In Russ.).
 17. Sklyar V. (2016), “Politicality” of the population of Ukraine and the results of the 1989 and 2001 censuses, *Ukrainoznavstvo*, no. 1 (58), pp. 136–154. (In Ukrain.).
 18. Soroko E. L. (2018), Modeling of the third demographic transition, *Materials of the XIX April conference. Session P-11. Demographic processes and development*. (In Russ.). URL: <https://conf.hse.ru/2018/program/> (date of access: 20.05.2022).
 19. Soroko E. L. (2016), Indicators for the description of ethno-demographic processes, *XVI April international scientific conference on the problems of economic and social development: in 4 books*, book 3, ed. E. G. Yasin, Moscow, High School of Economics Publ., pp. 328–338. (In Russ.).
 20. Soroko E. L. (2014), Ethnically mixed married couples in the Russian Federation, *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 1, no. 4, pp. 96–123. (In Russ.).
 21. Sushchij S. Ya. (2020), Russian population of the near abroad: geodemographic dynamics of the post-Soviet period, *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 7, no. 2, pp. 6–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11137>.
 22. Tarkhov S. A. (2004), Results of the 2001 Ukrainian census, *Fourth Socratic Readings in Geography. Scientific theories and geographical reality (collection of reports)*, Moscow, Eslan, pp. 144–164. (In Russ.).
 23. Khmelko V. E. (2004), Linguo-ethnic structure of Ukraine: regional features and trends of change over the years of independence, *Nauchnye zapiski NaUKMA. Sociological sciences*, vol. 32, pp. 3–15. (In Russ.).
 24. Bongaarts J. (2005), Long-Range Trends in Adult Mortality: Models and Projection Methods, *Demography*, no. 42 (1), pp. 23–49.
 25. Booth H. (2006), Demographic Forecasting: 1980 to 2005, *Int. J. of Forecasting*, no. 3 (18), pp. 547–581.
 26. Cheskin A., Kachuyevski A. (2019), The Russian-speaking populations in the post-Soviet space: language, politics and identity, *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no. 1, pp. 1–23. <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1529467>.
 27. Doane A. W. (1997), Dominant Group Ethnic Identity in the United States: The Role of “Hidden” Ethnicity in Intergroup Relations, *The Sociological Quarterly*, no. 38(3), pp. 375–397. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1997.tb00483.x>.
 28. Ediev D. M. (2007), An approach to improve the consistency of mortality projections obtained by the Lee-Carter method, *Eurostat methodologies and working papers. Work session on demographic projections*, Bucharest, 10–12 October 2007, Luxembourg, Office for Official Publications of the European Communities, pp. 101–115.
 29. Ediev D. M. (2008), Extrapolative projections of mortality: towards a more consistent method, part I: the central scenario, *Working Paper 3. Vienna Institute of Demography, Austria*, no. 3, 50 p. URL: https://www.oew.ac.at/fileadmin/subsites/Institute/VID/PDF/Publications/Working_Papers/WP2008_03.pdf.
 30. Ivanchenko V. S., Chimiris E. S. (2020), Russian language in the Post-Soviet space as a factor of politics, *Political Science Issues*, vol. 10, no. 3 (42–44), pp. 305–315.
 31. Mägi K., van Ham M., Leetmaa K., Tammaru T. (2020), The neighbourhood context and changes in self-reported ethnic identity, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, no 46(1), pp. 277–296. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1547634>.
 32. Orlov A. Y. (2009), The Technique of Ethnogeodemographic Research, *Geography and Natural Resources*, vol. 30, no. 1, pp. 73–78. <https://doi.org/10.1016/j.gnr.2009.03.014>.
 33. Platt L. (2014), Is there assimilation in minority groups’ national, ethnic and religious identity? *Ethnic and Racial Studies*, no 37(1), pp. 46–70. <https://doi.org/10.1080/01419870.2013.808756>.

34. Waters C. M. (2000), Immigration, intermarriage, and the challenges of measuring racial/ethnic identities, *American Journal of Public Health*, no. 90 (11), pp. 1735–1737. <https://doi.org/10.2105/AJPH.90.11.1735>.
35. Wilson T. (2009), A multistate model for projecting regional populations by Indigenous status: an application to the Northern Territory, Australia, *Environment and Planning*, no. 41 (1), pp. 230–249. <https://doi.org/10.1068/a402>.
36. Wilson T., Barnes T. (2007), Continuing Challenges in Attempting to Measure the Size, and Changing Size, of Australia's Indigenous Population, *People and Place*, vol. 15, no. 3, pp. 12–21. <https://doi.org/2120/10.1080/00049182.2014.986786>.
37. Wilson T. (2016), The future of Australia's Indigenous Population, 2011–61, *Population Studies*, no. 70 (3), pp. 311–326. <https://doi.org/10.1080/00324728.2016.1224372>.

Сведения об авторах

Манаков Андрей Геннадьевич — доктор географических наук, профессор кафедры географии, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия.

E-mail: region-psk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3223-2688

Scopus Author ID: 7003929696

Web of Science ResearcherID: C-9332-2018

Теренина Наталья Константиновна — кандидат географических наук, доцент кафедры географии, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия.

E-mail: brazelon@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5288-9409

Scopus Author ID: 57218822696

About the authors

Prof. **Andrei Manakov**, Department of Geography, Pskov State University, Pskov, Russia.

E-mail: region-psk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3223-2688

Scopus Author ID: 7003929696

Web of Science ResearcherID: C-9332-2018

Dr **Natalia Terenina**, Associate Professor, Department of Geography, Pskov State University, Pskov, Russia.

E-mail: brazelon@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5288-9409

Scopus Author ID: 57218822696

Поступила в редакцию 12.08.2022 г.

Поступила после доработки 14.09.2022 г.

Статья принята к публикации 10.11.2022 г.

Received 12.08.2022.

Received in revised form 14.09.2022.

Accepted 10.11.2022.